

Эдуард Голубев

СМОТРЯЩИЙ

16+

Эдуард Голубев

Смотрящий

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Голубев Э. К.

Смотрящий / Э. К. Голубев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Главный герой совершает непредумышленное убийство криминального авторитета и ему приходится скрываться в лесу, где он сталкивается с одним человеком и неестественным поведением животных, объявивших им обоим войну.

Содержание

Глава 1. Щенок	5
Глава 2. Новое жилище	13
Глава 3. “Империя” наносит ответный удар	20
Глава 4. Выстрелы о помощи	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Глава 1. Щенок

Этот сентябрьский день не отличался ничем примечательным от всех остальных за последние пару лет. Два года прошло, как закрыли единственный небольшой сталелитейный завод в городке, и депрессивная отрешенность местных жителей разряжала воздух своей пустотой. Счастливицами считали тех, кто вовремя покинул это место, избежав быть поглощенным только одной целью – найти хоть какую-нибудь работу. Большинство оставшихся по той или иной причине уже по-другому, как “тупик”, не называли свой некогда любимый, напоминавший маленького трудолюбивого муравья, город. И это слово имело как жизненный, так и географический подтекст. С южной стороны практически сразу начинался довольно длинный и крутой склон, продолжением которого был такой же подъём, а на дне этого земляного ущелья протекал небольшой ручеек, образованный несколькими родниками. Эти холмы пользовались популярностью у владельцев четвероногих друзей. Идеальное место вымотать собаку, при этом затратив небольшое количество собственных сил, стоя наверху и просто бросая палку вниз. С востока было небольшое дикое поле, где любители поохотиться на зайца частенько совершали свой променад и, пройдя чуть больше двух километров до стоящей природным частоклом чащи деревьев, разворачивались назад. Так начинался лес, вглубь которого уже давно не заходил никто из местных. Труднопроходимые заросли всевозможных кустарников высотой с человеческий рост спокойно прятались в тени целой команды смешанных в хаотичном порядке лиственных и хвойных деревьев не испытывая никакого дискомфорта. Ещё три года назад ценители грибов с большим удовольствием отправлялись сюда насладиться их поиском, неспешно прогуливаясь и тихо общаясь между собой. Тогда они знали, что находятся под невидимым наблюдением егеря, молчаливого крупного старика с неизменной седой бородой, под которой проглядывалась добродушная улыбка, и ружьём на плече. Он мог в любой момент появиться из ниоткуда, внимательно посмотреть, чуть наклонив голову, поздороваться и также незаметно скрыться в ближайшей гуще. Кто-то называл его леший, кто-то, улыбаясь, “йети”, кто-то просто лесничий. Вся его жизнь была секретом, и даже имя. Когда спрашивали, как его зовут, он всегда отвечал одной фразой: “Какая разница? Нарекайте, как вам угодно”.

Несмотря, как положено настоящему леснику, на отшельнический образ жизни и задумчивую угрюмость, в городе он снискал огромное уважение. Почто каждый год, кто-нибудь из непоседливых детей обязательно терялся в лесу, ночь в котором, благодаря широким листьям вязов и дубов, стремительно наступала далеко до заката. Стоило толпе, собравшейся на поиски, подойти к опушке, как их уже встречал этот дед. Догадываясь, что произошло, он просто спрашивал, сколько заблудилось людей, потом отходил в поле и начинал пристально наблюдать за верхушками деревьев, сурово требуя всех не галдеть. Лесник, словно чучело с опущенными руками, стоял неподвижно среди высокой сорной травы на фоне заката, угасающий свет которого обхватывал его силуэт, придавая этой картине мазки таинственности. Спустя некоторое время, он уверенным шагом направлялся к лесу, не обращая ни на кого внимания, и все, подобно безвольному стаду, словно под гипнозом, молчаливой змейкой начинали следовать за ним в пущу. В этот момент даже командирский запал участкового исчезал вместе с последними выбивающимися далеко на западе из-за горизонта лучами солнца. Не успевало пройти и два часа, как потерявшихся находили. Старик всегда безошибочно показывал направление и район поисков. Естественно, мнения горожан насчет этих способностей были разные. Подавляющее большинство считало, что лесник понимает языки животных и птиц, которые рассказывают ему всё, что происходит в лесу. Некоторые приписывали ему экстрасенсорный дар, а были такие, кто уверенно полагал, что он обычный оборотень, только добрый, а превращается в человека лишь при людях, не обращая никакого внимания на время суток и полноту луны.

Каждую пятницу, раз в две недели, уже много лет подряд, несмотря на ветер, температуру, снежный буран, град или проливной дождь, дед неизменно приходил в минимаркет заправочной станции на окраине города за солью, иногда приобретая ещё что-нибудь мелкое для хозяйства. Однажды, в начале июня, он не появился, а на следующий день его тело нашли две русских борзых выпущенных в поле загнать зайца недалеко от местного кладбища. Когда хозяйка собак, видя неестественное поведение своих питомцев, вскинув наготове ружья, подошли к ним, в небольшом рве они увидели лесничего. Он как будто спал, лежа на спине и скрестив кисти рук на груди. Лишь муравьи, смело шагающие по лицу, изучая новый для них рельеф, свидетельствовали, что жизнь покинула эту плоть, оставив только материю для разложения.

Через сорок минут, под присмотром полицейского, который ещё раз перечитывал записку, найденную в кармане, труп уже грузили в специальную санитарную машину. На клочке бумаги простым карандашом, почти печатными буквами, некоторые из которых старик наводил снова, было написано:

«Чувствую, конец близок. Не хочу, чтоб он пришел внезапно в лесу, и потом быть съеденным волком. Поэтому немного себе помог. Не обессудьте».

Вскрытие показало повышенное содержание в организме конваллятоксина, растительного яда содержащего в безобидных на вид белых колокольчиках майского ландыша, повлекшего за собой остановку сердца. Словно человек, который потеряв всё и сдавшийся злодейке судьбе на милость, перестаёт следить за собой, так и лесные тропы после смерти старика начали зарастать непроходимыми кущами, отбивая желание местных жителей погулять в дубраве. Все начали забывать о лесе, и на это была ещё одна причина. Закрытие сталелитейного завода, оставив короткий тормозной путь, очень быстро застопорило размеренную жизнь. Многолетний утренний рабочий ритм людей, идущих на смену, заставлял, как будильник, просыпаться весь город, а теперь всё превратилось в стихийный базар, где продавцов всякого хлама было гораздо больше желающих приобрести его. Прибавилось работы и у здешнего отделения полиции. Мелкие кражи, драки, подпитанные дешевым кустарным алкоголем, происходили по несколько раз каждый день, и участковый, устав от таких будней, вскоре просто перестал обращать на это внимание. Деградация одной личности – это отдельный случай, поэтому не так страшен, а здесь она захватила большинство, не собираясь останавливаться. То, что прекрасное далёко хлопнуло дверью, заколотив её толстыми досками, понимали все, но только единицы не смирились, всеми силами стараясь смягчить удар от падения на бетонную плиту смутного настоящего. В их числе был и я.

Причины, которые держали меня в городе, были просты и заурядны. Практически все, кто бросился в поисках теплого пристанища, вернулись назад. Из их рассказов следовал только один вывод – без денег на собственное жильё там делать тоже нечего. Аренда квартиры забирала львиную долю небольшого заработка, а цены на недвижимость в городке стремительно приближались к нулевой отметке, не давая возможности приобрести её в другом месте. Вторым фактором была моя специальность. Некогда заслуженная и произносимая с гордостью профессия сталевара стала менее значимой, чем почтальон или молочник. Лишь только в общении с людьми старшего поколения, я чувствовал и видел в их глазах уважение к моей бывшей работе. Для меня не было большой проблемой удалить серу из металла, победить фосфор и выпустить любую марку стали, от обычной рядовой до высокопрочных. Но с таким узким направлением ты не нужен там, где время развернулась вспять, навстречу 19-му веку, навстречу ремесленному труду.

В это время каждый становился сам за себя, стараясь не рассказывать о своём заработке на жизнь. Кому-то было просто стыдно за своё достоинство, а кто-то считал, что появится конкурент. Вечерами на улице уже не было слышно шума веселых компаний и стоило только солнечному свету покинуть город, как в наступивших сумерках открывал глаза мелкий криминал, в большинстве связанный с тем, что плохо лежит. Кто, собравшись в небольшие группы, а

кто просто соорудив себе тачку, по немного начали разбирать завод на металлолом. Но и этот небольшой доход вскоре закончился. Теперь, в заброшенных цехах и между ними можно было встретить спортивных молодчиков, которые, без всяких объяснений сразу начинали избивать добытчиков лома. Поставленные удары, ломая носы и челюсти, а в лучшем случае просто оставляя темную синеву под глазами, играючи сыпались на головы, отбивая желание следующего посещения территории завода. В конце концов, кто жил на улице, ведущей к проходным, и подружившиеся с бессонницей, всё чаще по ночам стали замечать черный фургон в сопровождении двух джипов. Они заезжали в промышленную зону и через час, в том же составе и порядке, покидали её.

По всему периметру, за бетонным забором, иногда можно было услышать рычание служебных собак, а железнодорожный заезд с северо-западной стороны полностью зашили листами металла, оставив только единственный вход на завод через бывший центральный пропускной пункт. То, что здесь наладили подпольное производство, в городе никто не сомневался, споры рождались только касаясь продукта. Начальник местной полиции вместе с мэром уже давно пустили всё на самотёк, оставив только важный вид, испорченный за последнее время отеками на лице, свидетельствующие о проигранной борьбе печени с алкоголем и пряча в карманах дорогих пиджаков дрожащие не по возрасту кисти рук.

В какой бы части городка я не находился никак не мог отделаться от произвольных бросков взгляда в сторону сталеплавильного цеха. Ностальгия за местом, где были сделаны первые шаги настоящей взрослой жизни, не покидала меня. Именно там привили те принципы и законы, когда о тебе просто говорят, он настоящий мужчина. Именно там научили с улыбкой смотреть на кричащих истеричных представителей сильного пола, мысленно переводя их в категорию слабого. Постоянная близость к жидкому, накрытого огненным одеялом, металлу, заставляла принимать разные и не очень приятные ситуации проще. В такие моменты иногда чувствуешь себя старым мудрецом, который никогда не будет делать из мухи слона, опираясь на утверждение, что главное – это спокойствие. Сталь не любит суету, и ты тоже начинаешь её тихо ненавидеть.

На заводе я не был с его закрытия, а не примкнуть к батальону сборщиков металлолома мне помог старый друг. Имея собственный бокс около дома, Иван занимался установкой газобаллонного оборудования на автомобили, производя иногда небольшие ремонты. Несмотря на то, что его бизнес также сбавил обороты в это время, он, доведавшись о моих трудностях, предложил потрудиться подмастерьем. Заказы не отличались стабильностью, и только по телефону, вечером, я узнавал о наличии работы на завтра. Пусть это был небольшой и непостоянный заработок, но его вполне хватало на жизнь, и даже позволял мне после очередной установки баллонов выпить две или три баночки холодного пива. Во время работы мы постоянно обсуждали и комментировали происходящее вокруг, находя много общих тем для разговора. Конечно, не обошли стороной и то, что сейчас происходит на заводе. Слухов по городу ходило много, но включая логику, всё чаще приходили лишь к одному выводу, что так охраняться, словно секретный военный объект, может только производство наркотиков. Это было идеальное место.

Помню, как я, находясь в смотровой яме гаража и закручивая в неудобной позе болты крепления, услышал небольшой рассказ Ивана, занимавшегося под капотом двигателем, который спокойным голосом, как будто ставил перед фактом, сказал:

– Ты знаешь, давно не ходил на охоту, а вчера взгрустнулось. Достал ружьё, почистил и думаю, пройдуся в подлесок, может, парочку фазанов подстрелю иль зайчишку. Последний раз был в той стороне месяцев десять назад, и ты знаешь, не могу это объяснить. Вроде всё, как всегда, но поведение птиц, зверей, какое-то странное.

– Они что, строем ходят? – с улыбкой спросил я.

– Да, нет. Тут другое дело. Вчера Чак учуял зайца и рванулся, я следом. Смотрю, он стоит, как вкопанный и даже начал немного пятиться назад. Моя первая мысль – гадюка. Я бегом к нему, а там заяц, который не то, что не дрожал, он даже не собирался убежать, а просто лежал и смотрел на него. И только когда подошел поближе, “косой” соизволил подняться и медленно, не подпрыгивая на задние лапы, а перебирая их, направился в сторону леса.

– Я думаю здесь всё понятно. Скорей всего травма позвоночника.

– Не буду спорить, вполне возможно. Но как ты объяснишь это. Небольшая стая пернатых, облепившие одно дерево, когда приблизился к лесу, не сорвались вверх, предупреждая о моём появлении, а наоборот, словно спелые яблоки, только не по одному, а все вместе, осыпались с веток. Честно, я такого не видел никогда.

– Даже не знаю, Ваня, что сказать. Но думаю, здесь найдется вполне простое объяснение. Может, поклевали всей бандой что-то не то или в воздухе была доза какого-нибудь усыпляющего газа, который человек переносит легко, а для маленькой птички это уже чересчур. В конце концов, магнитные бури. Много можно найти причин.

– Не знаю, дружище. Но мне кажется, здесь что-то другое. Помнишь главного терапевта, который живет на самой окраине перед полем?

– Наш Айболит, – улыбнулся я в ответ, – да, конечно.

– Так вот, я вчера проходил мимо и случайно встретил его во дворе, занимающегося хозяйством. Мы разговорились, и он мне сказал, что уже больше полгода, как его собака чуть ли не каждый день садиться и, вытянув шею, около часа внимательно смотрит в сторону леса, не отводя взгляда. И когда он отпускает её, она не убегает, как раньше, порезвиться в поле, а гуляет только в близости от дома. Честно, не верю во всяких оборотней, ну, кроме, как в погонах, но в лесу что-то изменилось.

Этим словам я тогда не придавал должного значения, и они быстро отправились на полку под названием “забыл”. Проблемы зайца с перебитым позвоночником и птицы, падающие с ветки, поведение собаки “доктора Хауса”, на тот момент меня интересовали так же мало, как дата основания военно-воздушных сил Финляндии.

Так, без изменений, жизнь городка остановилась на этом уровне, и дни незаметно переходили в недели, а те, в свою очередь, в месяцы. Лишь смена поры года подтверждала, не требуемое доказательств лауреатов Нобелевской премии, постоянство течения времени.

Итак, вернусь к началу моей истории. Этот сентябрьский день не отличался ничем примечательным от всех остальных за последние пару лет. Около пяти вечера, закончив установку газового оборудования на небольшой грузовик и получив свою часть денег за работу, я направился домой. Небольшая усталость вместе с вечерней свежестью предрасполагала сделать несколько глотков холодного пива в старом небольшом парке, который давно потерял свою привлекательность неухоженными дорожками, заросшими кустами и наполовину сломанными лавками. Когда позволяла погода, я часто заходил сюда, печально наслаждаясь пустынной некогда людного места. После работы сознание вело сюда, требуя уединение и тишины для очищения, как внешней оболочке требуется горячий душ. Две алюминиевые банки “Bud” отдавали приятной прохладой в ладонях, вызывая желание скорее сбить небольшую жажду и расслабиться, думая о чем-то умиротворенном. В такие моменты мысли могли преодолеть расстояние от устройства Вселенной по мотивам Стивена Хокинга до белой зависти к людям, которым работа приносит настоящие удовольствие, таким, как ведущие “Top gear” и “Разрушители легенд”. Конечно, я не мог пропустить уникальность и просчитанную бесшабашность Беара Гриллса. Как часто, после очередной серии “Выжить любой ценой”, в моей голове не укладывалось, на что способен человек и насколько существует много способов не сдать природе на милость. Пытаясь пережить вместе с ним каждое приключение, я отчетливо понимал, что экран телевизора не в состоянии передать всю сложность ситуации. И там, где Беар слегка морщился от боли и отвращения, обычный человек взвыл бы или потерял сознание.

Баночка пива в руках приятно прошипела, выпустив давление, чем обратила на себя внимание маленького черного щенка с белым пятном, который спрятавшись, отдыхал под кустом напротив лавки. Он высунул нос из-под листьев, посмотрел на меня и, виляя хвостом, подбежал. Усевшись напротив, в его глазах читалось два самых главных желания любой собаки – покусать и поиграть. С первой была проблема по причине отсутствия, а со второй, мне просто не хотелось, о чём с улыбкой и сказал щенку. Он ещё немного посидел рядом и, поняв, что толку не будет, смешно подпрыгивая, побежал на поляну, где скрылся за высокой травой в поисках хоть какого-нибудь развлечения.

Тень от деревьев увеличивалась обратно пропорционально оставшемуся количеству пива и вскоре наступившая серость шептала, что пора идти. Оставив пустые банки прямо на лавке для облегчения работы собирателей вторсырья, я, испытывая небольшое блаженство, расслаблено направился домой. Незаметно стало темно, и только свет, работающих через одного, уличных фонарей, разбавлял наступающую ночь. Выйдя из парка, повернул налево и направился вдоль проезжей части. На другой стороне улицы я увидел недавнего знакомого щенка, который был рад снова встретиться и, подняв ещё не окрепшие уши, все также, слегка подпрыгивая, побежал через дорогу навстречу мне. Только он пересёк разделительную полосу, как из-за небольшого холма, метрах в ста или чуть больше, вылетела, на несколько сантиметров оторвавшись от асфальта, машина. Скорость была далеко за сотню, и до встречи протектора широких колес BMW седьмой серии с собачонкой оставалось не больше двух секунд. Решение, о котором буду помнить всю оставшуюся жизнь, ворвалось спонтанно и мгновенно. Мне хватит секунды добежать до него, и, не останавливаясь, на ходу, словно отдать легкий пас, надо будет отбуксовать на другую сторону дороги. Я резко сорвался с места и на пятом шаге, вывернув ступню, мягко “щечкой” пнул щенка. Этого хватило более, чем достаточно. Он отлетел почти до бордюра, перевернулся боком, поднялся и выпучил глаза, не понимая, за что его ударили.

Судя по всему, водитель автоматически дёрнулся и, явно не имея навыков Микки Хаккина, неумело пытался справиться с потерей управления на такой скорости. Машину всё больше начинало носить из стороны в сторону и, поняв, что ситуация с каждой десятой долей секунды уходит из-под контроля, он резко нажал на тормоз, одновременно вывернув руль. Пролетев в метре от меня, автомобиль развернулся поперек дороги и остановился, как вкопанный. Только скрупулезно просчитанный немцами центр тяжести не позволил ему стать перевертышем. В резко наступившей тишине я услышал мягкий звук открывающейся двери. Затем в свете фонаря появился силуэт хозяина машины. Это был типичный для того времени представитель вида “бандит обыкновенный” или как выразился бы биолог, который с умным видом любит выбрасывать слова на латыни – “Ordinarius Barabbas latro”. В его раскачивающейся правой руке был пистолет, увеличенная тень которого упала на крыло машины. Не надо было быть наркологом, чтобы сразу понять присутствующую, мягко сказать, неадекватность, вызванную, скорее всего чрезмерной дозой алкоголя.

– Слышь, ты, придурок! Тебе что, жить надоело? Так я помогу! – Его наигранный гнусавый голос резал слух. – Отвечай!

Слегка сугулившись, он направился ко мне не переставая размахивать стволом. Моё молчание его бесило.

– Я повторяю. Отвечай! Сейчас прострелю тебе колени, чтоб такие уроды, как ты, больше никогда не ходили по дороге. Ты меня слышишь?!

Он поднял пистолет и, не целясь, выпустил пулю мне под ноги. Затем перевел дуло на щенка, который сжавшись в высокий бордюр, испуганно смотрел на происходящее.

– Ты его хотел спасти???

Раздался второй выстрел и отлетевший небольшой осколок бетона ударил собачонку, которая, заскулив ни сколько от боли, а от страха, кинулась без оглядки прочь. Понимая бесполезность каких-либо разговоров о скоростном режиме в городе и отсутствие желания поиметь

свежее пулевое ранение, выход из этой ситуации представлялся только один. Не прошло и секунды, как я уже сблизился с ним и, не дав ему возможности развернуть оружие обратно в мою сторону, схватил левой рукой запястье, а ребром правой ладони нанес удар по сонной артерии. В глазах блеснула и тут же скрылась за захлопнувшими веками бычья ярость, а в горле хрипом спустился на тормоза крик. Неожиданность выполнила свою функцию на “отлично”. Чувствовалось, что он не один раз был в передрыгах, и поэтому тело автоматически сработало на выход с линии удара, сделав шаг назад, стараясь выкинуть вперед правую руку с пистолетом. Но потеря сознания подкосила ноги и громила всей своей массой начал падать на спину. Вполне возможно, что на этом всё и закончилось бы. В его состоянии он вряд ли вспомнил меня и эту ситуацию, но поэтому в нашей жизни скрытно и обитает “господин Случай”, который любит неожиданно появляться из засады. Если бы кто-то сказал этому бандиту, что его убьёт дверца любимого BMW, я думаю, в трезвом состоянии он рассмеялся бы в лицо, а в таком, как сейчас, сделал бы этого человека инвалидом. Как известно, размякшее тело при падении не приносит организму значимого урона по причине полной расслабленности мышц, но черепная коробка даже в таких случаях не любит встреч с твердыми предметами, коим сейчас оказался угол открытой водительской двери. Удар головой был глухим и он начал сползать, давя всей массой на дверцу, которую, казалось, сейчас на изломе вырвет из кузова вместе с шарнирами. Даже в этом блеклом освещении я увидел, как за ползущей вниз головой на стекле оставался вязкий жидкий след отбрасывающий темные блики. Эта расплывчатая полоса крови, словно рисунок невидимого злобного художника-авангардиста, говорила только об одном, что случилось необратимое. Я стоял и смотрел, пока тело не замерло в сидячем положении под звук легкого скрежета скользящей вороненой оружейной стали об асфальт, протянув ноги, а спиной, упершись в подлокотник. Во мне не было никакой жалости, никакого гнева, вообще ничего. Два выстрела отбили охоту у любого, кто хотел бы посмотреть, что произошло и, оглянувшись вокруг, передо мной предстала пустынная улица без единого намёка на лишние глаза. Логика дальнейших моих действий, вызванная малым количеством времени для размышлений, была такова. Первое, это забрать пистолет, и тогда, если не копать, картину можно представить, как несчастный случай с пьяным водителем, который вышел из машины и упал, разбив голову об дверь. В этом случае никто не будет искать свидетелей, которые расскажут о двух выстрелах. Я нагнулся и, аккуратно вытаскивая спусковую скобу с указательного пальца, увидел, как из бокового кармана легкой дорогой кожаной куртки выглядывала пачка купюр. Наверное, все-таки бытие определяет сознание. Два года назад моя рука никогда бы не потянулась за ними, но последние месяцы в пребывании, когда ты мог позволить себе лишь пару банок пива и то, не всегда, сделали своё дело. Две запечатанные стопки столларовых банкнот уютно расположились с мобильным телефоном, спрятавшись под молнией внутри мастерки, а пистолет, поставленный на предохранитель, заставил расслабить ремень на джинсах. Подобранные гильзы были выброшены в решетку водостока.

Я уходил, не оглядываясь и не ускоряя шаг. Только сейчас меня начало поедать волнение. Решив, что ещё литр холодного свежего пива не помешает досконально обдумать произошедшее, сидя в кресле и успокоившись на лоджии своей квартиры, зашел в небольшой круглосуточный магазинчик. До дома было около пятнадцати минут ходьбы. Путь не долгий, но в этот момент меня что-то на подсознательном уровне тормозило преодолеть его. Свернув в ближайший темный дворик, я присел на одиноко стоящую скамью и достал баночку из пакета. Облокотившись на спинку, закинул голову и уставился в черное небо, рассматривая беспорядочное расположение звезд. Никогда не задумывался об этом, но только сейчас понял, что придуманные людьми созвездия, это единственный способ хоть как-то упорядочить хаос Вселенной. Даже, забыв про тревогу, успел немного пожалеть о том, что вижу и знаю всего лишь Медведицы с их Полярной звездой и Кассиопею.

Через двадцать минут я продолжил свой путь, а внутреннее беспокойство завоевало всё тело, заставив произвольно сбавить шаг и направиться через дворы пятиэтажек, освещенные только тусклым синим светом телевизоров из окон. Пришлось сделать небольшой крюк, и поэтому к своему дому подошел с другой стороны. Остановился. Чувство опасности вызвало мурашки и инстинктивно, в этой темноте, укрылся под ветками большой ивы, не сводя взора со своего подъезда. Постепенно глаза окончательно привыкли к темноте, а звезды, казалось, прибавили яркости, став отличным помощником. С первого взгляда всё было, как всегда, ничего примечательного, но ощущение, что меня кто-то скрытно ожидает, не покидало. Я положил пакет с оставшейся банкой около ствола и решил залезть на дерево, где знал каждую ветку, так как много времени провёл здесь в детстве. Со стороны, безусловно, это показалось бы неадекватным поведением. Взрослый мужчина поздним вечером лезет на дерево, вряд ли вызвало понимание, но мне на тот момент было всё равно. Каких-то шесть метров над землёй и картина двора сразу представилась в полном объеме.

Вдруг, справа от ивы, в полной тишине я услышал с разницей в секунду два мягких благородных звука закрывающихся дверей, присущий недешевым автомобилям. В двадцати метрах, за стеной из кустов, стоял, укрывшись с выключенными габаритами явно в ожидании кого-то, судя по высоте, большой внедорожник. Вспышка зажигалки осветила лица и вскоре темноту разбавили огоньки сигарет, поочередно вспыхивая во время затяжки. Мой слух напрягся, стараясь не пропустить ни одного слова.

– Где он пропал? Что-то долго нет? Может мы пропустили его?

– Нет, братан, я не сводил глаз с подъезда, да и в окнах никакого движения.

То, что во мне всё сжалось до предела, не сказать ничего. Пальцы до боли впились в кору и, казалось, что даже уши, как у кота, поднялись, поворачиваясь в их сторону. Лишь одна мысль болезненным стуком в висках, отдавая глубоким эхом, крутилась в голове – как они так быстро меня нашли? Ответ не заставил себя долго ждать, породив следующий, уже более глобальный вопрос – что делать дальше?

– Хорошую штуку придумали, этот видеорегистратор. Если бы не она, хрен бы его нашли.

– Та да. И мент красавец, сразу всё пробил об этом типе. Где служил, где работал, где живёт. Кстати, у Толяна ствола не было, а он после тех разборок в ресторане, носил его с собой всегда.

– Думаешь, он забрал?

– Уверен. Он из разведроты, значит с оружием на “ты” и держать в руках не боится. Вопрос в другом, зачем оно ему? Если мы не найдем этого солдата, чую, будут большие проблемы с «центральными».

В этот момент один из них, который делал постоянно выводы, достал мобильный и уставился на засветившийся прямоугольник экрана.

– Слушай, Башкир пишет. Нашли какого-то бомжа, который клянется, что слышал два выстрела. Ну, теперь всё понятно. Этот тип забрал пистолет из руки, чтобы закосило под несчастный случай, как будто там никого, кроме Толяна не было. Не учел только двух вещей. Первое, это то, что мы ехали навстречу и были там через несколько минут, а второе, видеорегистратор.

Телефон в его руках продолжал отдавать зеленым цветом и навёл меня на мысль, что надо избавиться от своего, который я тут же достал из кармана и отключил. Не хотелось, чтобы второй гаджет за сегодня сдал меня с потрохами. Следующее моё пребывание под печально опущенными ветками старой ивы уже не принесло бы никаких дивидендов, и аккуратно спускаясь с дерева, решил, что на данный момент первое действие, это как можно дальше уйти от своего дома. Прекрасно понимая, что максимум через час к ним придет мысль о бесполезности их наблюдения, я за это время должен покинуть город, так как все свои силы вскоре они бросят на поиски. Выдвигаться к северо-западной стороне, где была единственная дорога, свя-

зывающая с цивилизацией, было равносильно самоубийству. В южной балке меня заметили бы за сотни метров. Оставался только восток со своим лесом, уж где-где, там найдётся местечко спрятаться, пересидеть и подумать, а тяжесть за поясом изделия Николая Макарова начала обретать свой смысл.

Под ногой тихо прошелестел пакет с баночкой пива, о котором я забыл в свете полученной недавно информации, прося не забыть его взять с собой в ночной путь.

Идти по открытому полю освещенный яркой луной, которая благодаря обману зрения за городом кажется больше и гораздо ярче, не было лучшим вариантом, и я решил проложить свой путь вдоль границы кладбища, скрываясь в силуэтах молодых деревьев, стоявшие, словно задремавший караул на страже порученных им могил. Вскоре передо мной черной широкой полосой предстал ров, в котором когда-то собаки нашли старого лесничего. Спустившись в него, я присел на склоне и достал банку пива, ухмыльнувшись от дикой для такой ситуации с оттенком черного юмора мысли, что теперь никто не знает, когда в моей жизни будет следующая. Две пачки купюр и мобильный вряд ли могли оказаться хорошими помощниками в лесу, и вскоре этот набор переключался в опустевший пакет, который неглубоко закопал на дне оврага, прикрыв лежащим рядом, небольшим валуном. До опушки оставалось метров четыреста.

Глава 2. Новое жилище

Азы пребывания в сложных условиях мне привили ещё в армии, поэтому никакого страха перед ночной дубравой не испытывал. Конечно, на службе в разведроте мотострелковой дивизии “курсы выживания” не были настолько экстремальны, как демонстрировал Беар Гриллс, но их вполне хватало при сложившейся обстановке. Я на всю жизнь запомнил слова своего командира, что только две вещи в этом мире, которые на 100 процентов разрушают всё вокруг благодаря цепной реакции, это паника и атомная бомба. Ни того, ни другого, у меня не было.

Последний раз в этом лесу я был ещё в детстве, когда на велосипедах юнцами мы приезжали сюда не, сколько погулять, а сколько проверить себя на трусость, углубляясь всё дальше в гущу, оставив своих верных двухколесных коней в зарослях кустарника на окраине поля. Ещё тогда, в отличие от своих сверстников, для меня не было большой проблемой определить стороны света в темноте крон, спрятавших солнце, не выискивая мох на деревьях. В очередной раз, когда правильно показывал в какой стороне город, они шутили по поводу проглоченного мною, ещё маленьким ребенком, компаса. На каком-то подсознательном уровне, уже в этом возрасте, я автоматически всегда выбирал и запоминал ориентир, который для многих не был заметен. Распределение мегабайтов в моей голове большим количеством склонялось к фотографической памяти, чем к запоминанию имён и названий, оставляя только те, которые меня заинтересовали.

Не забуду появление в моей старой школе одного военного средних лет, который набирал группу в “Кружок юного разведчика”, куда не задумываясь не секунды, записался. Он умело сочетал теоретические и практические занятия. Только там я с огромным удовольствием рисовал таблицы, схемы и четко выводил текст в тетради, запоминая всё на ходу, что с большой неприязнью получалось на обычных уроках. Уже в шестом классе максимальное расстояние до видимого огонька сигареты в полной темноте и сколько метров до трехэтажного дома, который по высоте равнялся ногтю большого пальца вытянутой руки, не было для меня загадкой. Азбука Морзе, движение без компаса – это всё на удивление давалось очень легко. Помню, как спросил, когда нам дадут настоящий автомат вместо этих деревянных и его слова о том, что лучший друг разведчика это нож, запомнились навсегда. Он как-то принес его на занятия и мы не могли оторвать взгляд от холодного лезвия с черной пластмассовой рукоятью. Тогда, по своей детской наивности, я с умным видом продекларировал, что это “финка”. Майор запаса (это узнали позже) улыбнулся и красиво ненавязчиво поставил меня выскочку на место, рассказав, что между ними очень большая разница. Во-первых, длина лезвия, во-вторых, наличие гарды и, в-третьих, материал рукоятки. Финский служит только для хозяйственных и бытовых целей, а этот с необычным названием “Вишня” из-за похожего клейма, самый настоящий нож разведчика.

Мозг этими воспоминаниями целенаправленно намекал, что пистолет, это неплохо, но наличие в руках куска закаленной острой стали не было бы лишним, и в подсказку выкинул мне ещё одно воспоминание. На тех занятиях впервые узнал слово “схрон” и его значение. Военная романтика в том возрасте легко поглощала всех мальчишек, и я был в первых рядах этого марша. Решив, что просто обязан иметь собственный тайник с оружием, приступил к поискам. На так называемой барахолке, около рынка, по словам всех мужчин города, здесь можно было найти всё и поэтому, это стало постоянным местом моего ежедневного променада. Каждый раз, рассматривая лежащий на земле товар, я привлек внимание одного старика, который внимательно посмотрев на меня, заговорщически тихо спросил:

– Что ищешь, внучок? Может дед тебе поможет?

С небольшим трепетом, боясь следующих вопросов, я всё-таки через силу проговорил:

– Мне нужен нож разведчика.

– Извини, такого нет. Но в сарае у меня завалился старый штык-нож. Можешь подождать. Через полчаса я пойду домой. Здесь недалеко.

– А сколько будет стоить? – украдкой спросил я, сжимая кулаком в кармане шорт, колоссальную для меня сумму в пять рублей.

– Я бы подарил, но нельзя. Поэтому десять копеек, – старик прищурился и внимательно с лукавством посмотрел на меня, наслаждаясь тем, как загорелись мои глаза. – Он без ножен, поэтому проволоку не перекусишь, ещё надо будет почистить и заточить.

В моих широко открытых веках не скрываясь, читался знак согласия, и я уже представлял, как буду хвастаться им перед друзьями.

Через час, спрятавшись в высокой траве парка, вдалеке от аллей, радостные эмоции переполняли меня. Сколько мало надо было в те года для счастья! Темно-бурый цвет лезвия полностью скрыл стальной блеск, но эта проблема легко решалась с помощью пасты ГОИ, которая была у меня дома. В пластиковые боковины рукоятки за многие лета уже намертво впиталась промасленная грязь, и все попытки содрать её ногтем не приносили результата. И даже это не расстраивало. Главное, что у меня, двенадцатилетнего пацана, был свой штык-нож! А всё остальное – ничто.

Естественно, в том возрасте, более таинственного и лучшего места для схрона, кроме, как кладбище, сложно было придумать, и на следующий день я уже бродил среди памятников, ища подходящее. Моё внимание сразу привлекла одна неухоженная старая могила на восточной окраине городского погоста. Было заметно, что к ней уже давно никто не приходил, кроме сторожа с дежурной палкой, отпугивающих стуком ворон, который обрывал бесконечно растущую траву. Ржавая оградка, наполовину выдавленная из земли разросшимся стволом и корнями старого дерева, ровесника захоронения, образовала небольшое углубление в земле. Эта пустота и стала искомым местом.

Вскоре начищенный до заворачивающего блеска клинок и заточенный глухонемым стариком около базара на ножном станке, приковывал завистливые взгляды моих друзей, когда в парке, хвастаясь, давал подержать в руках. Эти дни получалось его прятать дома, но я понимал, что это ненадолго и мать во время генеральной уборки квартиры обязательно найдет и, даже не сомневаясь, выкинет, а тайник уже был готов. На занятиях майор рассказал, что существуют специальные контейнеры для долгой сохранности содержимого в тайнике, но можно его сделать и самому. Картон явно не подходил для этих целей, и ничего лучше, чем взять дерматиновую коробку от автомобильной аптечки, я не придумал. К ножу присоединилась ещё одна моя гордость – бензиновая зажигалка из гильзы автомата Калашникова, сделанная по моей просьбе соседом часовщиком. А также целая упаковка сухого спирта, цыганская иголка с капроновыми нитками, бинт, кусок ваты, зелёнка, увеличительное стекло и ещё один предмет самодовольства, плоская, выдавшая лучшие времена, карманная фляга, купленная на той же барахолке. Аптечка была помещена в полиэтиленовый пакет, который для большей надежности и защиты, стянув, обмотал изоляционной лентой.

Откопать и очистить изгиб бокового корня, под которым образовалась удобная ниша, мне помогла детская алюминиевая лопатка для песочницы, которая также нашла своё место в аптечке. Итак, схрон был готов. Засыпав его землёй, посадил два пучка травы и аккуратно притоптал, представляя, как в будущем, когда что-нибудь понадобится, я под восхищённые взгляды друзей, словно настоящий герой, вроде Зорро или командира партизанского отряда, с серьёзным лицом извлеку свой клад из земли.

Спустя шесть месяцев, наш кружок прекратил своё существование. Директор школы не был красноречив, в двух словах объяснив, что преподаватель уехал и вести занятия некому. Было очень обидно, что майор даже не попрощался, и вскоре каждый из нас нашел новые интересы. Только через два года мы узнали, что он тогда обратился в областной военкомат с просьбой отправить его в Афганистан, где и погиб, подорвавшись на mine.

Я занялся легкой атлетикой и ежедневный преодоленный на тренировках километраж заставил забыть о своём ребяческом увлечении. Теперь в голове крутились мысли только о соревнованиях и показаний стрелок секундомера. Пришла молодость и время, проведенное в “Кружке юного разведчика”, вместе с тайником канули в прошлое. Затем был городской техникум, военкомат, где меня сразу приписали в разведывательный батальон (видно характеристика со школы сделало своё дело), а дальше два года службы и сталелитейный завод.

И вот спустя девятнадцать лет сложившиеся ситуация открыла этот файл в голове. Пакет с деньгами и мобильным обратно решил не доставать, поскольку не знал, какое состояние старого детского тайника. Полная луна оказалась хорошим помощником, и я без труда нашел ту самую могилу, с удивлением отметив, что, по крайней мере, в свете самого преданного спутника Земли, по большому счету ничего не изменилось с того времени. Абсолютно безобидный предмет для потребностей человека, коим был полиэтиленовый пакет, в отличие от всего в этом мире, оказался не подверженный биологическому разрушению и, собрав на себе грязный конденсат, внутри был сухой, полностью защитив аптечку с содержимым от почвенной коррозии, что не могло не радовать. Штык-нож теперь уютно располагался в ладони взрослой руки, которая на инстинктивном уровне, играючи, прокрутила его острие в воздухе, перейдя с хвата клинком верх на положение клинком вниз и затем с выбросом лезвия вперед. Всё остальное осталось в аптечке. Природа легко могла заменить её высушенным в тени очищенным кусочком мха, обернутым нитями паутины. Я не знал, что ждёт впереди, но сейчас было известно только одно, это полное отсутствие страха, а значит, направление правильное.

Углубляться ночью в темные дебри было равносильно брожению слепого щенка среди заваленных книг взорванной библиотеки. Твоему продвижению бесконечно мешают одни и те же вещи, которые ты не видишь. Поэтому обосновываться в лесу решил начать с первыми лучами солнца, а сейчас, подмяв под себя высокую траву и скрывшись за кустарниками на опушке, я лег на спину, уставившись в звездное сентябрьское небо. Благо, погода ночью ещё радовала теплом. Это нельзя было назвать сном, так, дремота с включенным в голове датчиком сигнализации на движение. Меньше всего на тот момент я хотел услышать треск ломающейся ветки или резкий повторяющийся птичий крик, сигнализирующий тревогу. Легкий ветерок напоминал профессионального пианиста, который выдавал пассажи, играя листьями деревьев, словно клавишами рояля. И эта музыка убаюкивала, заставляя забыть то, что привело меня сюда.

Шум двигателя автомобиля в предрассветной тишине, вдалеке от города, слышен за многие сотни метров и он сразу привлек моё внимание. Очень тихо, стараясь не зацепить кустарник и тем самым потревожить какого-нибудь спящего зяблика, медленно перевернулся на живот, но обзора мне не добавилось. Взгляд нашел прямой коридор среди веток и сразу уперся в высокую степную траву. Я специально закрыл глаза, пытаюсь хоть на немного обострить слух. Рокот дизельного мотора вскоре прекратился, и уже не было никаких сомнений, это по мою душу. Картина происходящего по ту сторону поля сразу предстала передо мной во всех мелочах. Три человека вышли из машины, оглянулись по сторонам, один из них достал бинокль и с видом капитана подводной лодки, который после всплытия, открыв верхний рубочный люк, протер холодные линзы и прильнул к окулярам, внимательно с угрюмо серьёзным лицом начал обводить территорию. Единственная вещь, которая успокаивала, не слышно лая собаки. Будучи на их месте, я бы ночью вскрыл квартиру и прихватил бы что-нибудь из моей одежды, желательно не стиральной, а найти четвероногих служивых, умеющих идти по следу, в нашем городке, где было целое общество охотников, не проблема. Затем вернуться к начальной точке, и там, где развернулась BMW, взять мой след острому нюху не представляло глобальных трудностей. Хорошо заплатить за ночные неудобства и обязательно найдется желающий помочь в поисках, но, судя, что прошло уже более четырёх часов, шансы найти меня по следу с наступлением дня стремительно неслись к нулю. Как хорошо, что они до этого не додумались.

Спустя минут пятнадцать машина снова завелась, и по слабозаметному столбику поднявшейся пыли грунтовой дороги было видно, что они направились на юг, в сторону балки. На востоке солнце тёмно-оранжевым пятном уже поднималось из-за горизонта, а я, сгорбившись, словно снежный человек на знаменитом видео, с оглядкой, входил в заросли леса. Моему клинку срочно требовались ножны. Средних размеров кусок свежей бересты с тремя изгибами сложенными внутрь, длинные тонкие ленты из неё же в качестве шнурков, этого было больше, чем достаточно. И через двадцать минут штык-нож преспокойно расположился по левую руку на кожаном ремне джинсов. Кобуру решил сделать попозже, после того, как обустроюсь в лесу и тогда появиться уйма времени для такого рода занятий, а сейчас все силы бросить на полноценную спокойную подготовку ночлега, пока погода была благосклонна. И сразу возникла дилемма в поисках места. В разведроту нас учили изначально искать такой участок, который не вызывал бы никакого желания его посещать, а наоборот, только мысль обойти стороной. Это мог быть бурелом или гниющая плоть дикого зверя. Я решил отказаться от такой “защиты”, компенсировав её более глубоким погружением в чашу, стараясь держаться подальше от обнаруженных парочку звериных троп. Спустя три часа мои глаза уткнулись в островок лиственных деревьев посреди хвойного подлеска на небольшом уклоне. Это говорило только об одном, процентов на девяносто пять, рядом вода, а значит исходя из правила “трёх троек”, двадцать один день минимум у меня есть. Этот закон очень прост: обычный неподготовленный человек может прожить три минуты без воздуха, три дня без воды и три недели без еды. Спустившись по склону, который становился всё резче, я уперся в овраг, откуда исходило приятное тихое журчание живительного родника. Удовлетворение найденным местом и целый день впереди позволили не спеша, имея понимания строительства временного сооружения в данных условиях, соорудить двухскатный шалаш из хвойных веток, учитывая все известные мне нюансы. Спустя несколько часов я уже рассматривал своё детище со стороны, словно художник, склонивший голову набок перед мольбертом и любующейся новым шедевром. А лесная прохлада вместе с полной безмятежностью в работе позволила сохранить достаточно сил для обеспечения себя влагой.

Ручеёк на дне оврага притягивал своей свежестью и чистотой. Не понаслышке зная, что прозрачность воды может быть обманчива, так как её путь под землёй не был известен, а наличие кладбища и бывшего сталелитейного завода вполне могли принести неприятные сюрпризы для желудка, кипячение не стало бы лишним действием. И снова глаза пробежались вокруг в поисках самого универсального материала для поделок в лесу – бересты, отличающейся своей гибкостью и стойкостью к изломам. Наши прадеды не даром много веков использовали её во всевозможной кухонной утвари. В таких ситуациях одноразовый котелок из кожи молодой берёзы был незаменим и прост в изготовлении. Квадратный кусок коры, четыре нехитрых прищепки из палок, четыре распорки внутри получившийся емкости, костёр, разведенный в секунды, стоило лишь увеличительному стеклу поймать хоть один луч солнца, и я уже наслаждался лесным чаем из сосновых иголок, расположившись в тени около шалаша. Заполнив флягу под самый край остатком хвойного бальзама, мне осталось сделать только одну вещь – определить свои координаты. Выбрав довольно высокую сосну и взглядом проложив возможный путь наверх, я с разбегу, упершись подушечками опорной ноги в ствол, выпрыгнул и с первого раза зацепился за нижнюю ветку на высоте более двух с половиной метров. Остальное уже было делом техники. Подо мной растелилась зеленая пучина и верхушки деревьев, обдуваемые ветерком, прокатывались легкими волнами, напоминая морской бриз. В эти моменты хочется забыть обо всём, наполнив образовавшуюся пустоту шелестом листвы, всячески пытаясь понять, что она хочет тебе сказать.

Ориентиры не пришлось долго искать, с западной стороны ими оказались две трубы моего цеха, которые встали в одну линию, а с севера столбы электропередач, выполнявшие поворот в сторону города. Довольный результатом и продуктивностью сегодняшнего дня, я

остался сидеть на дереве, прикрыв глаза, сквозь веки, наслаждаясь мягким оранжевым теплым светом готовящегося к заходу солнца.

Костер догорал, слабо подсвечивая затухающими угольками, прося спуститься и продлить ему жизнь, а редкие кучевые облака убеждали в неизменности погоды. Ночь, как и предыдущая, должна быть теплой.

Треск объятых огнём сухих палок разбавлял тишину и только сейчас обратил внимание на долгое отсутствие криков или пение птиц, что в отличие от цвета заката и типа облаков, говорило о приближении холода. Сойдясь на мысли, что ошибаться у крылатых шансов больше, расположился в шалаше, вытянув ноги в сторону костра. Наконец-то, усталость взяла своё, и вскоре я уже спал, вдыхая свежий воздух пропитанный запахом хвои, наслаждаясь единением с природой. Мой сон не отличался оригинальностью. Это были пейзажи, которые резко менялись без плавного перехода от одного к другому, как будто в мгновение перемещался на большие расстояния. Сначала иду по степи, оборачиваюсь... и уже нахожусь на рабочей площадке около электродуговой печи в каске с темно-синими очками на козырьке, делаю шаг в сторону пульта, и он превращается в гараж, а углеродные электроды, висящие над сводом, вытягиваются в большой тополь, и теперь я стою на неизвестной мне дороге. Оглядываюсь, чувствуя опасность, и вот прямо на меня мчится черный автомобиль, за рулём которого никого нет. В последний момент он исчезает, а клубы поднявшейся серой пыли превращаются в белоснежные облака и сейчас меня окружают небольшие холмики с аккуратно подстриженной зелёной травкой, напоминая поле для гольфа. Вдруг резко становится темно, а сильные короткие порывы ветра приносят беспокойство и холод.

Я открыл глаза и нажал подсветку на часах, где в правильном порядке расположились четыре цифры: ноль, один, два, три. Сон пропал, но неприятное чувство тревоги осталось. Там, далеко в подсознании, без какого-либо повода, зародилось ощущение, что рядом есть ещё кто-то и правая рука машинально нащупала пистолет за поясом. Стараясь сделать бесшумно минимальное количество движений, я присел прямо на выходе из шалаша. Глаза довольно быстро адаптировались к окружающим меня темным контурам кустов и деревьев, благодаря пробивающимся пучкам слабого неоновых света полной луны. Гробовая тишина вокруг больше напрягала, чем успокаивала. Медленно переводя взгляд, всеми силами старался заглянуть глубже в лесной мрак, но он не пускал. Разворошив угли и обнаружив, что в некоторых из них ещё теплятся огоньки, я кинул жмень хвороста и как веером, поддал воздух остатком куса бересты. Вспыхнувшие маленькие ветки мгновенно сузили мои зрачки, на пару секунд ослепив и передавая огонь более крупным, которые были заготовлены ещё днём. Недаром человечество всегда поклонялось огню, как защитнику от всего нелюдского. Тревога внутри, под приятный треск костра, начала уступать место спокойствию и в какой-то момент даже начал забывать про неё, хотя понимал, что уснуть до утра теперь уже не получится.

Пламя всегда отличалось таким умением, как гипнотизировать всё живое и я в этот момент не стал исключением, бессмысленно уставившись на него, любясь необычным танцевальным движением темно оранжевых языков. Не забуду, как в цеху, на одном из выпусков металла, также, не отрываясь, уставился на струю, вылетающую из сталевыпускного желоба в ковш, и настолько сфокусировался взглядом, что в какой-то момент передо мной, словно голограмма, открылась совершенно иная картина. Это уже был не просто поток расплавленного железа. Я четко видел сквозь защитные очки подобие чешуи, словно огромный бело-синий удав, вращаясь, медленно спускался вниз. Зрелище впечатляло. После смены, восстанавливая водный баланс организма бутылкой холодного пива, рассказал об этом на проходных. Кто-то из коллег улыбнулся, кто-то промолчал, но на следующий день многие подошли ко мне с неподдельным удивлением, что за столько лет работы и, видя тысячи выпусков стали, они никогда не замечали ничего подобного.

Край глаза зацепил изменившийся порядок прыгающих теней от костра и выхватил из темноты небольшое движение. Я в мгновение поднял голову и резко, от неожиданности, отпрянул назад. По ту сторону пламени напротив меня стоял волк. Кисть автоматически выдернула пистолет из-за пояса, а большой палец по ходу опустил флажок предохранителя и лег на курок, готовый взвести его в любой момент. Когда пролетели первые секунды такого “сюрприза” и мозг перешёл в рациональное поле, я медленно поднялся, не сводя глаз с серого непрошеного гостя. Только сейчас стала понятна вся неестественность данной ситуации. Встречать волков мне приходилось и до этого, но никогда, ни один из них не вёл себя так. Они не подходят к людям, уже на генном уровне считая человека смертельно опасным. Они, как любой зверь, панически боятся огня. Здесь же было всё наоборот, но самым странным выглядели его зрачки – они были огромные, когда при такой близости к костру, должны сузиться. Сначала я решил, он слепой, но эта мысль была откинута тем, что случилось дальше. Волк смотрел куда-то сквозь костёр, меня и шалаш, будто находился в другом пространстве, где в полной тьме его глаза прорезали два тонких тоннеля, словно лазерный прицел, не чувствуя преград. Затем он медленно поднял правую лапу и вытянул вперёд прямо в огонь. Только я почувствовал мерзкий запах жженой шерсти, как серый также, неторопливо, воротил её обратно, вывернул, поднёс к морде и стал облизывать подушечки когтей. Мало того, что зверь ничего не видел, он ещё не чувствовал боли и страха. Это выглядело более, чем ненормально. С другой стороны, и это успокаивало, в поведении волка не было не единого намёка на агрессию. Затем, продолжая всё также не замечать меня, лесной хищник опустил на передние лапы, уткнулся носом в землю, прикрыв его той, что была подпалена. Глаза закрылись. Казалось, он уснул в этой странной позе, и только неадекватное, как и всё происходящее с ним, движение ушей говорило об обратном. Я не имел научных званий в зоологии, тем более, в одном из её разделов – этологии, изучающей поведение и инстинкты животных, но основные понятия в этом вопросе не были для меня чужды. Мало нашлось бы людей, кто смог сразу объяснить происходящее. Одно ухо волка было прижато, что говорило об угнетённом состоянии или о болезни, когда второе стояло торчком, слегка вращаясь, явно прислушиваясь к чему-то. Секунд через тридцать его глаза резко открылись, словно экран включившегося по будильнику телевизора, заставив меня дёрнуться от неожиданности. Теперь зрачки сузившись, среагировали на огонь, и в них появилось осмысление происходящего. Он посмотрел на меня, встал на передние лапы и медленно задом начал отходить, с неподдельным трепетом постоянно озираясь направо в непроглядную тьму кустарника. Серый явно чего-то боялся и это был не я, не костёр. Это был кто-то скрывающийся рядом. Темнота медленно поглотила обратно силуэт волка, и в такой ситуации меня уже согревало не пламя, а щёчки с перекрёстной насечкой и рельефом звезды рукоятки пистолета Макарова.

Даже не знаю, как объяснить, но не было чувство страха, это было ощущение непонятной опасности, которая вызывала напряжение, особенно в большом пальце кисти правой руки, лежащем на взводе ударника. Понимая бесполезность созерцания стены крошечного мрака в глубине чаши, я полностью переключился на акустическое восприятие, снова присев около входа в шалаш. Вокруг стояла гробовая тишина, разбавленная только легким треском тлеющего костра. Если этот кто-то и прятался в пуще, то надо отдать должное, делал это искусно. Ночью, передвигаясь в лесу и даже стоя на месте, практически невозможно сохранить полное безмолвие. Всегда найдется маленькая ветка, которая предательски хрустнет под твоей ногой, вспугнув спящую птицу, и хлопанье крыльев взорвут воздух также резко, словно аплодисменты в зале после классически выдержанной актёром театральной паузы. Как не напрягался слух, молчание леса было стабильно мертвым – полный штиль по шкале Бофорта. Ощущение чужого присутствия постепенно покидало, и я решил, что днём обязательно загляну в эти заросли кустарников в поисках чьих-либо следов. С приходом этой мысли тело сбросило

немного напряжение, периодически давая прикрывать глаза в приятной дремоте и позволив себе моментами немного расслабиться, оставив только на боевом дежурстве дар слышать.

Глава 3. “Империя” наносит ответный удар

Оставшаяся часть ночи пролетела в полной тишине и вскоре серый утренний лес начал обретать цвета, раскрашиваемый пробивающимися сквозь кроны деревьев лучами восходящего солнца. Маленькие глотки свежего хвойного чая не только приятно согрели, но и придали насыщенность окружающему меня природному очарованию. В такие моменты я всегда вспоминал картины Ивана Шишкина, прекрасно понимая, какая сила тянула его на создание своих шедевров.

Даже эта гипнотизирующая живая красота не способна была утихомирить возрастающее чувство голода, поэтому сегодняшний день тоже должен был пройти не менее продуктивно, чем вчерашний. Но сначала, надо исследовать не только кустарник слева, а и всю округу. Решив заняться этим через час, когда станет ещё светлее, я прилег около шалаша, уткнувшись взглядом в продирающиеся из-под веток куски чистого синего неба. Чуть сэкономить сил никогда не помешает.

Теплая сухая погода, присутствующая последние дни, не была хорошим подспорьем для следопытов. Прекрасно это понимая, мои глаза начали искать не отпечатки на траве (этим займусь позже), а любое изменение, где явно присутствовало внешнее воздействие. Зайти в орешник и не сломать маленькую веточку, заставив листок висеть в неприродном положении, практически невозможно. Посреди зарослей я нашёл место, откуда, как на ладони просматривался мой лагерь и, застыв, пристально начал изучать окружающие кусты. Когда знаешь, что искать, то на это не требуется много времени, в конце концов, это не чёрная кошка, которой нет в тёмной комнате. Один надломленный отросток сразу бросился в глаза и, судя по неизменившемуся цвету листочков на нём, это случилось не так давно, а судя, на какой высоте находилась ветка, резюме поисков заставило пробежать по коже небольшому отряду мурашек, это был человек, которого хорошо знает и боится ночной волк. Человек, который в отличие от меня, явно не первый день в лесу. Человек, который обладает непонятной силой и влиянием на диких зверей. Человек, который бесшумно передвигается в полной темноте. Если сказать мягко и без лишнего пафоса – необычный человек.

За кустарником, что и требовалось доказать, я не нашел никаких поверхностных следов. В низкой траве при сухой погоде уже через два часа они становятся почти незаметными, а спустя четыре, полностью исчезают. Пришлось перейти ко второй фазе плана на сегодня – обеспечить работой соляную кислоту желудочного сока. Найти несколько белых грибов и подберезовиков не составило много хлопот и через час, нанизанные на своеобразный шампур из заостренной ветки, они, с приятным вкусом костра, уже усиливали слюноотделение. Загнав назад в угол проснувшееся чувство голода, я занялся анализом произошедшего. То, что «Империя» должна нанести ответный удар, не было никаких сомнений, вот только при выборе способа возникла дилемма, у которой с обеих сторон были свои плюсы и минусы. Первая мысль говорила, что лучшая защита, это нападение и надо, не теряя времени, отправиться на розыск жилища ночного наблюдателя. Вторая же вступала в дискуссию, доказывая, что лучшая защита, это хорошо подготовленная оборона с ярко выраженным акцентом на контратаку, на данный момент – засада.

Самым большим минусом поисковой операции было полное отсутствие представления, в каком направлении её совершать. Также, она бы потребовала затратить много сил и оставить лагерь без присмотра на долгое время, что в теперешней ситуации было небезопасно. Вернувшись, я не знал бы, что меня здесь ждёт, а неожиданности за эти два дня уже поднадоели. С другой стороны, следующей ночью использовать разведенный костёр и шалаш в виде наживки, а самому замаскироваться поблизости, выглядело более рационально, но здравый смысл подсказывал, что сегодня никто не придёт. Не было никаких сомнений, что ночной гость видел,

как я в свете костра пристально всматривался в скрывающую его тьму кустарников, явно что-то заподозрив. Поэтому любой осторожный человек, коим бесспорно был он, не будет повторять свой маневр, но и бездействовать также не будет. В конце концов, выбор был сделан, и время позволяло спокойно, с расстановкой, заняться повышением обороноспособности своего лагеря. Часть мотка капроновых ниток превратилась в четыре ловушки-петли, основной функцией которых было не захват или причинение вреда, а сигнализация. При срабатывании должен был раздаваться громкий звук, как будто кто-то напролом лезет через кусты, вызванный скрытой в них и лежащей неглубоко на листьях палкой. Сухие ветки я рассыпал по всему периметру, спрятав их аккуратно в траве, треск которых под ногой выдал бы незваного гостя. Место для лёжки было выбрано в тридцати метрах левее от входа в шалаш, на склоне к ручейку. Сползающее в овраг уже не один год старое большое бревно оставило за собой нишу в земле, которую пришлось немного отредактировать под себя с помощью детской лопатки. Отсутствие поблизости магазинов с постельным бельём вынудило в качестве матраса использовать сухой мох, а вместо одеяла еловый лапник.

День, как и вчера, пролетел незаметно и довольный проделанной работой, я снова заваривал лесной чай. Согреваясь внутри горячим напитком мне очень хотелось ни о чём не думать, но мысли сами наполняли образовавшуюся физическим трудом пустоту в голове. Когда информация о противнике настолько скудна, просыпается злость от ощущения слепоты и невозможности спрогнозировать его поведение. Поэтому, оставалось только одно, чему усиленно обучали в разведке – терпеть ожидание, превратившись в пень или камень, а действовать придется по обстановке. Единственное, что знал точно, всю ночь придется бодрствовать и четыре часа до полной темноты, пока есть возможность, надо потратить на сон.

Глаза, словно по щелчку гипнотизёра, открылись, когда всё вокруг начало окрашиваться в серый цвет. До наступления полной темноты оставались считанные минуты и вскоре, я уже лежал в засаде, ощущая тонкую горечь запаха оружейного масла пистолета Макарова, приютившегося рядом с головой. Специально соорудив пирамиду перевернутого костра, который не требует вмешательства всю ночь и самостоятельно регулирует горение, передо мной, как на ладони, тусклым светом освещалась поляна перед шалашом. Спустя три часа, напряжение на подсознательном уровне начало вбрасывать в кровь свою дозу адреналина, затачивая все чувства до бритвенной остроты. Наступала глубокая ночь. Сколько их похожих было проведено в армии на учениях, но эта отличалась кардинально – впервые я был один, без поддержки и с неприкрытым тылом, что не придавала позитива моему настроению.

Он, как вчера, снова появился бесшумно, медленно вытягивая своё тело из темноты, словно она его порождала, и направился к костру, похрамывая на переднюю правую лапу. Ожог давал о себе знать, но волк не придавал этому никакого значения, опять остановившись перед огнём и замерев в стоячей позе, смотря прямо перед собой. Я не видел его глаз, но уверен, они были точно такими стеклянными и отсутствующими, как прошлой ночью. Спустя несколько минут, он резко, наострив уши, повернув голову в мою сторону, заставив затаить дыхание, а затем, как горный козёл, подпрыгнул с места на прямых ногах и начал бег по кругу, постоянно увеличивая скорость, что его заносило на поворотах, при этом, абсолютно не обращая внимания на рану. Не выдержав заданного темпа, он упал и, перевернувшись, лихорадочно замотал головой и стал крутить лапами в воздухе, словно педали велосипеда. Я думаю, даже директор Кунсткамеры оценил бы такое поведение, как ненормальное.

Затем волк, словно замёрз. Продолжая лежать на спине и вытянув вверх прямые лапы, он замер в таком положении, напоминая опрокинутое чучело из местного краеведческого музея. По всему было видно, что зверь отключился и через минут пять, потеряв равновесие, свалился набок. Это привело его в чувства, и он тягуче стал поднимать своё тело с земли. Встав в полный рост, волк снова медленно повернул голову в мой бок и, как вчера, неуклюже стал пятиться назад. Только теперь его взгляд был направлен не на кустарник, а в обратную сторону, что

говорило только об одном – вчерашний ночной гость снова здесь, всё-таки он пришёл и сейчас где-то рядом. Я перевёл взгляд в ночной мрак прямо перед собой, моля глаза, как можно быстрее после света костра, привыкнуть к темноте.

Еле слышный хруст сухой ветки рядом, в метрах семи, прозвучал для меня равносильно раскату грома. Тело напряглось, но это никоим образом не повлияло на мою уверенность. Сегодня мой выход на сцену в роли охотника, а будет это провал или успех, покажет ближайшее будущее. Луна, словно желая помочь всеми силами, отбросила скрывающее её облако, протиснувшись, насколько была способна, свой синий свет сквозь кроны деревьев и я увидел его силуэт. Он сидел на одном колене, выглядывая из-за дерева и наблюдая за поляной со странным приспособлением на голове. Кто-то по незнанию или очень впечатлительный в этот момент увидел бы перед собой, как минимум, инопланетянина или киборга из фантастического фильма, но мне это устройство было хорошо знакомо. Армейский старый прибор ночного видения с непонятным по сей день для меня названием “Квакер”. Расстояние и моё лежачее положение не позволяло совершить внезапное нападение, поэтому, как терпеливому хищнику, пришлось выждать подходящий момент. Ночной наблюдатель явно нервничал, так как его голова постоянно вертелась не только по причине малого обзора “Квакера”, который составлял лишь сорок градусов, но и отсутствие меня в прямой видимости. Я был уверен, он не уйдёт, пока не обнаружит моё пребывание или не начнёт светать. Волк больше не появлялся, и мы сейчас напоминали двух гроссмейстеров в пустом зале, один из которых сделал первый ход, но даже не догадывается, что соперник абсолютно не желает переводить партию в позиционную борьбу, готовя ответ в виде молниеносной атаки с объявлением шаха и мата.

По ощущениям, прошло около получаса, и незнакомец решил сменить дислокацию. Он поднялся с колена и, как можно мягче ступая на землю, направился прямо на меня, видимо, желая подойти к лагерю с тыла. Каких-то секунд пять, и его нога аккуратно встанет на мою голову. В этой ситуации действия были отработаны до автоматизма. Первое, в последний момент схватить стопу, и, не имея возможности дотянуться до колена, чтобы использовать его в качестве упора для рычага, резко вывернуть её на 180 градусов. При таком приёме, ночной наблюдатель, потеряв равновесие, должен был упасть назад на живот, развернувшись в полёте. Второе, мгновенно покинуть земляную нишу и оседлав сверху, сделать удушающий замок, а дальше, всё будет зависеть от его поведения.

Армейский ботинок на правой ноге, зависший в воздухе прямо перед моим лицом, удобно расположился в захвате кистей рук. Стремительным рывком, не жалея силы, развернул его внутрь. От неожиданности гость, как я и задумал, упал навзничь, подставив спину, успев в последний момент подложить под себя руки. Первая часть атаки была выполнена на “отлично” – пять баллов за внезапность и столько же за проведенный приём. А вот вторая желала лучшего. Каждое дело состоит из такого огромного количества мелочей, что просчитать их практически невозможно. Сейчас этим нюансом стало большое отличие протектора на моих, далеко не новых кроссовках, от тех же “берцев”. На службе такая атака из засады вызвала бы смех. Согнув левую ногу для толчка, словно при низком старте на беговой дорожке и сжавшись, как пружина, я бросился вперёд, но сцепление стёртой подошвы со слоём мха равнялось нулю, а склон в этом случае только усугубил положение. Ступня поехала вниз и следом за ней, также с пробуксовкой, выпрямилась правая нога. Нельзя сказать, что теперь я стал добычей, но уничтожив эффект неожиданности, между нами снова был паритет. Момент для нейтрализации был упущен и в данной ситуации, ничего не оставалось, как защищаться. Я схватил лежащий над плечом пистолет, направив ствол вверх, где уже стоял во весь рост незнакомец, который опустив голову, смотрел на меня через прибор ночного видения и даже линзы окуляра не помешали ощутить, как встретились наши взгляды. Затем он развернулся и, прихрамывая, через несколько секунд исчез в темноте вместе с тусклым мерцанием луны, которая укрылась очередным облаком.

Произошедшее создало больше вопросов, чем ответов. Если не задумываться об опять аномальном поведении волка, то сильно интересовали только два, не откуда у этого человека “Квакер”, а как он заряжает аккумулятор? И много ли он наследил, уходя с растяжением связок голеностопного сустава? Мне было известно только одно, сегодня отправлюсь на поиски его жилища, которое не должно быть далеко. Человек с такой травмой не способен проделать длинный путь и тем более путать следы и пытаться их скрыть. Я снова стал охотником, и эта мысль вызвала нездоровую ухмылку одержимого – две таких ночи в лесу давали психическому здоровью знать о себе. Поневоле превращаешься в зверя.

Поджаренные на камне личинки жука короеда с двумя большими белыми грибами придали требуемое количество калорий для сыскного променада, который решил начать с места ночной засады. Перенос полностью всего веса на левую ногу заставил возмутителя моего спокойствия оставить довольно глубокие отпечатки на пожелтевшей сентябрьской траве. Теперь только постоянный посетитель кабинета окулиста не смог мы распознать их. Четко просматривалось, как он делал остановки для отдыха, опершись рукой на дерево. А через пару сотен метров я обнаружил на одном из стволов свежий излом от ветки, которую странный гость начал использовать в качестве посоха или костыля, оставляя в земле глубокие вмятины. Не открою большой тайны, что в такой ситуации раненый зверь вдвое опасен, а человек, тем более больше ещё в пару раз. Судя по тому, сколько прошло времени с начала поиска, преодоленное расстояние уже приближалось к километру и как бы ни хотелось, но волнение потихоньку начало давать знать о себе, обостряя все чувства. На подсознательном уровне это означало только одно – его логово совсем рядом.

Теперь моя скорость снизилась до 4-5 метров в минуту. Я каждый шаг останавливался, с пристрастием вглядываясь во всё окружающее, выискивая любой мельчайший намёк на ловушку, и только потом делал следующий. Вскоре впереди между деревьями появилась ровная стена из высоких кустов боярышника. Они были посажены по одной линии, выполняя функции частокола, что без лишних сомнений говорило только об одном, это было сделано искусственно, а значит, где-то есть вход. Уже на подходе к этой живой изгороди, за стволом большого старого вяза увидел рысь, лежащую на боку с прижатыми к телу лапами. С первого взгляда она казалась мертва. Подняв с земли тонкий сплюснутый орешек, бросил в неё. Никакой реакции, семя вяза осталось лежать на густой шерсти. Я присел на корточки и аккуратно, ожидая в любой момент выпад дикой кошки, медленно начал приоткрывать ей веко. Увиденное заставило отпрянуть и быстро встать на ноги. Зрачок, словно сошедший с ума метроном с маленькой амплитудой, произвольно совершал колебательные движения с огромной частотой. При этом рысь даже не шевельнулась. Такое я видел впервые, и это вынудило погрузиться в небольшой ступор с одной мыслью, в лесу не только безумный волк, здесь всё неправильно. Сразу вспомнил рассказ Ивана о странном поведении зайца в поле перед лесом и падающих с веток птицах. Да, лес, который должен был стать убежищем на первое время, явно не отличался безопасностью. Теперь запах непонятной, и поэтому более выраженной угрозы, как озон после дождя, ощущался в каждой глотке воздуха, насыщая все клетки моего организма, заставляя аналитическое подразделение мозга включиться на полную мощность, выставляя приоритеты для дальнейших действий. Я не забыл, зачем сюда пришёл и теперь понимал, что ночной гость, даже если не связан с таким поведением животных, то всё равно знает об этом больше меня, поэтому первая цель предельно ясна.

Проход через зеленую стену боярышника, к которому привели следы, был искусно спрятан и уже с небольшого расстояния незаметен. Только в непосредственной близости бросался в глаза один куст, который посажен не на одной линии со всеми остальными, а на метра полтора вглубь. И зайдя в эту нишу, слева образовался узкий, но вполне подходящий для человека проём, по бокам которого было несколько недавно надломленных веток. Я стоял и представлял, какой отличной мишенью будет моё тело, стоит лишь сделать шаг из этого прохода, поэтому

первой реакцией на такую мысль стало извлечение пистолета из-за пояса. Внутри двора росло дерево, ствол которого не был виден в проёме, но судя по веткам выступающими над кустом, оно находилось метрах в восьми, и вполне могло послужить укрытием от выстрелов. У меня не было никаких сомнений, что если у человека в лесу есть армейский прибор ночного видения, то огнестрельное оружие и подавно. В такой ситуации просматривалось только одно действие. Два быстрых прыжка с кувырком вперёд и максимум через три секунды меня будет защищать деревянный щит толщиной сантиметров сорок. Закончив про себя обратный отсчёт с цифры пять, как пловец стартующий с тумбы, нырнул из проёма. Если бы прозвучал выстрел, то мои действия выглядели оправданно и профессионально, а в полной тишине получились немного комические. Прижавшись спиной к стволу, я улыбнулся, представив себя со стороны, как нарушающая спокойствие пустого двора, длинными кувырками с пистолетом в руке ввалился в него. С другой стороны, правило про бережного никто не отменял. Совершая перевороты, глаза мельком зацепили небольшое строение и, теперь выглядывая вполоборота из-за дерева, начал изучать его.

Передо мной была боковая сторона хижины. То, что она в возрасте, и довольно приличном, сразу бросалось в глаза, но также было заметно, что её давно не поддерживают в функциональном состоянии. Несомненно, это и был дом лесника, который в детстве мы с пацанами безуспешно пытались найти. Грязное окно, скорей всего специально не мылось, будучи своеобразной тонировкой. Даже если кто-то стоял внутри впритык и рассматривал весь двор через тонкую, незаметную извне, полосу на запыленном стекле, его было не видно. Не лучшая, но и далеко не худшая маскировка для наблюдения. С первого взгляда казалось, что на данный момент никого нет, однако приведшие сюда следы упорно убеждали в обратном. Как я понял, вход, через который попал, был не центральный. Скорей всего, точно такие проёмы в кустах, находились по каждую сторону периметра. Явно, человек, который обитает здесь, всячески пытался показать заброшенность хижины, что говорило только об одном – он, как и я прячется в лесу и не хочет быть обнаруженным. Если запущенность избы и двора можно было списать на огромную лень постояльца, то отсутствие собаки являлось железобетонным аргументом его скрытности. Также про себя отметил небольшую высоту лесничего домика. Как правило, чем ниже крыша, тем больше подвал, и этим объяснялась вся картина.

Я вышел из-за дерева, держа расслабленно пистолет в согнутых руках на уровне солнечного сплетения, и направился в сторону хижины. Остановившись сбоку от лутки, обернулся и ещё раз оглядел округу. Полная тишина, которая, исходя из опыта, всегда предшествовала какому-нибудь сюрпризу, заставила покрепче сжать рукоятку ствола. Ржавые петли смотрели на меня, как будто с ухмылкой, показывая, что они первые нарушат это безмолвие. Не обманули. Я дотянулся до ручки, лишь стоило чуть приоткрыть дверь, как мерзкий скрип гниющего металла вызвал неприятную вибрацию барабанных перепонок и взрывным эхом отразился внутри помещения. Если был хоть небольшой шанс на внезапность, то он окончательно растворился, и ничего не оставалось, как перейти к дипломатии.

– Знаю, что ты здесь. Надо поговорить, – как можно уверенней и спокойней запустил слова в темноту хижины.

Пауза с ответом начала затягиваться, вынимая мысль, что ошибаюсь и сейчас здесь совершенно один. Еле слышное шевеление внутри избы мгновенно спрятало это суждение назад.

– Стой там, сейчас выйду.

Я отошел от входа метра на три и уставился на приоткрытую дверь, спрятав пистолет за пояс. Открытое оружие, как оголённая женщина, притягивает взор, заставляя напрячься, и мешает диалогу, сбивая мысли с верного пути. Дверь открылась, снова издавая раздражающий скрип, и на пороге с самодельной тростью появился он.

Это был сухой мужчина с небольшой лысиной среднего роста возрастом больше сорока. В глаза сразу бросилось небольшое искривление носовой перегородки, которое даже не пыта-

лись исправить и наколотые перстни на пальцах правой руки. Левую кисть держал в кармане. Слегка наклонив голову вбок и немного опустив, он, внимательно изучая меня уже при дневном свете, смотрел из-под лба. В его колючем взгляде сочеталось холодное безразличие с решительной опасной твёрдостью, присущие тем, кто воочию видал жизнь во всех её низменных “прелестях” и поступках. Но при этом остался при своём мнении, что свойственно только людям с сильным духом. Я чувствовал, что убить для этого человека не слишком сложная задача, его больше будет волновать причина, что говорило о высокой мозговой деятельности. Сумма всех этих талантов и внешних признаков равнялась одному выводу – передо мной стоял не обычный уголовник, из-за которого я оказался здесь, а авторитетный блатной, судя по всему, находящийся в бегах.

Уголовная романтика, которая была не чужда в юности моим ровесникам, обошла меня мимо. И хоть, не без удовольствия я пару раз перечитывал шедевр Марио Пьюзо “Крёстный отец”, каждый раз проникаясь огромным уважением к Дону Вито Корлеоне, уже тогда считал, что разница между итальянской мафией и нашей бригадой, такая же, как между Alfa Romeo и Жигули. Одна вызывает уважительное преклонение, вторая же, неудобство, напряжение и головную боль. Поэтому его заслуги в криминальном мире для меня были также безразличны, как успехи душевнобольного в изучении таблицы умножения. В первую очередь, передо мной стоял человек, как и все, состоящий из воды, костей и кожи, который не может прожить без воздуха.

Так случилось, что в армии я уже сталкивался с беглецом из тюрьмы. Однажды летним вечером, перед проверкой, нас подняли по тревоге на поимку одного заключенного, который тяжело ранив заточкой двух охранников, бежал из зоны, находящейся по ту сторону леса. Задача была проста – заблокировать всю его граничную линию в двух заданных квадратах, чтобы мышь не пробежала. Ночь тогда была темная, но очень тихая и приближающиеся резкие крики пуганых птиц, говорили, что он следует прямо на нас. Остальное уже было дело техники, за что, кстати, потом объявили благодарность и поощрительный отпуск домой на десять суток. Но само ярко запомнился момент, когда мы его брали. Рецидивист без страха смотрел на навешенные автоматы в свете фонариков, вытянув вперед руку с окровавленной пикой и, сквозь слюну, хриплым рыканьем пытался угрожать, когда в темноте за нашими спинами раздался властный, не терпящий возражений, голос комбата:

– Что ты там шипишь? Эти пацаны по одному моему щелчку пристрелять тебя, как бешеного пса. Поэтому, закрыл пасть, откинул нож в сторону, уткнулся мордой в землю и клешни за голову.

В тот момент я увидел, как изменились глаза уголовника, в них отразилось доселе неизведанное его сознанию – послушание. Один раз битый волк становится собакой.

И сейчас я также не чувствовал никакой боязни перед новым знакомым. Мы, молча, смотрели друг на друга, и первое мнение уже крепко отпечаталось в мозгу. Каждый ждал, кто заговорит первым.

Не поднимая головы, он хозяйским голосом произнёс:

– Знал, что ты меня найдешь. Рассказывай, коль пришёл. Весь во внимании.

Я не знал, что говорить, лишь по одной причине. Об этом варианте встречи не задумывался, полностью отдавшись поиску, поэтому, понимая, что дальнейшее молчание будет только усугублять этот зародившийся скользкий мир, ответил первым пришедшим в голову вопросом:

– Как будем лес делить?

– А зачем делить, – на его лице появился ухмылка, – лес большой, на всех хватит.

– Договорились, но в гости только со стуком, – выдержав паузу, с улыбкой добавил, – ... сосед.

– Решено... хм, сосед, – он развернулся и направился в хижину, демонстрируя, что переговоры окончены, а контракт подписан.

В свой лагерь я возвращался не спеша, собирая по пути обед и ужин из даров природы. Под деревом, где лежала рысь, осталось пустое место, и только примятый маленький куст папоротника напоминал о её пребывании. Лишь сейчас понял, что по сути, ничего не узнал. Опять количество вопросов с подавляющим преимуществом превосходило численность ответов, и анализом этой встречи я решил заняться не на голодный желудок. Было твёрдое ощущение, многое не сходится в происходящем. Но что именно? В одном у меня была полная уверенность – сегодня будет спокойная ночь.

Сделав поточные дела в лагере, я занялся облицовкой шалаша дёрном для защиты от будущего дождя, который может прийти в любой момент всерьёз и надолго, не спрашивая разрешения. И, как вчера, день пролетел незаметно. Умиротворенность вечерней лесной глуши не вызвала желание думать о своих проблемах, а несла мысли о чём-то неземном и духовном, заставляя отторгаться от действительности. Но эта самопроизвольная медитация, на данный момент, не принесла бы мне душевное равновесие, а только забрало бы время, поэтому резко мотнув головой, я отогнал эти философские раздумья прочь и достал штык-нож. Ничто так не возвращает к происходящей реальности, как наличие в руках холодного лезвия, которое передаёт свою остроту каждому нервному окончанию. Таким образом, что мне известно.

Мой новый знакомый по всем признакам связан с криминалом и уже долго скрывается в лесу. Ему явно помогают извне, то есть потаённая связь с городом присутствует. Это было заметно по не старым армейским брюкам прямого покроя с набедренными нашивными карманами, в народе называемые “афганкой” и ботинками из того же комплекта полевой формы, а наличие заряженного прибора ночного видения окончательно цементировало этот вывод, который сразу прогрессировал в следующий – он знает, кто я и что делаю здесь. Причинно-следственная связь, словно тутовый шелкопряд свивала дальше свою прочную нить, требуя новых пояснений. Сразу напрашивался вытекающий из недавнего умозаключения вопрос, почему “братва” до сих пор не нашла меня и не закопала в таком идеальном месте, как этот глубокая чаща? Почему? Когда это можно было сделать на раз, два, три. И снова нет ответа. О поведении животных старался не задумываться, остановившись на мысли, что они “подсели” на какие-то галлюциногенные ягоды или грибы. Да, этот лес, как и раньше, хранил известные только ему секреты. Уходя в это море лиственных и хвойных деревьев, я рассчитывал на спокойное осмысление того, что мне делать после непреднамеренного убийства и нежданно для себя ошибся, лишившись безмятежности даже во сне.

Глава 4. Выстрелы о помощи

На следующий день, лучший друг осени дождь зарядил на целую неделю, превратив дни в монотонный скучный фильм со сжатым бюджетом и сценарием. Никаких смен декораций, никаких событий. В такую погоду легче всего было подхватить что-нибудь из простудных заболеваний, поэтому в редкие перерывы, пока тучи набухали новой порцией водяного пара, я сразу разводил огонь для рассеивания влажности рядом с шалашом. Сделать костёр в такую погоду не было великой проблемой, тем более что этому обучали. В этой ситуации лучше всего подходила так называемая “финская свеча” или её подобие, когда вместо расколотого вдоль бревнышка использовалось несколько средних поленьев. Единственное, что пригодный для розжига и на запас хворост надо было искать на стволах деревьев выше, чем полтора метра от земли. Всё, что ниже уже было беспощадно промокшим. Линзу, которая без солнца превратилась на время в самую ненужную вещь, заменила самодельная зажигалка из гильзы. И пусть бензин в ней испарился ещё много лет назад, кремнь исправно выдавал требуемую искру.

Ночи по ощущениям становилась всё холоднее, и утеплиться свитером с длинной зимней курткой мне не помешало бы, а для этого надо будет посетить тайно город. По этому поводу я рассматривал несколько задумок, но основная – дать знать о себе Ивану. Конечно, самым безопасным и поэтому менее проблематичным вариантом, была бы встреча на поле перед лесом, где на выходных он иногда охотился. Но пока небо каждый день методично сбрасывало на местную округу тонны воды, все эти планы приходилось оставить до лучшей погоды.

Волк больше не появлялся, и моё одиночество разбавляли лишь высоко сверху звуки раскачивающихся веток, вызванные очередными порывами ветра. Я спокойно относился к ним, потому что перед тем как выбрать место для лагеря убедился в отсутствие сухостоя и поэтому не боялся внезапно обвалившегося дерева на мою голову во время сна. Батарейка на часах была поменяна три месяца назад, лишив меня, как минимум на пару лет, “удовольствия” попавших на необитаемый остров вырезать ножом календарь на коре. Вот в такой серости и сырости прошло восемь дней, где начал скучать не за телевизором, не за интернетом, не за общением, а за ... баночкой свежего светлого пива, рок-н-роллом и пропущенных матчах Лиги чемпионов.

Будущее виделось только после выхода на связь с Иваном. Двадцать тысяч долларов под камнем около кладбища свободно давали возможность прожить несколько лет в другом небольшом населенном пункте за тройку областей отсюда, неофициально снимая квартиру за неимением паспорта оставшегося дома. От старого друга нужна была не только теплая одежда, но и содействие в побеге из города. Я прекрасно понимал, что за ним следят, однако эта проблема была решаема. Ничто в этой жизни так легко не рушиться, как планы на будущее и картонный домик.

В то утро два подряд выстрела прозвучали раскатистым эхом на самой заре. В них не было той четкости и треска присущие автомату Калашникова или другому нарезному оружию. Это были отголоски обычного охотничьего ружья, и скорей всего, двустволки ИЖ-27. По своему опыту знаю, что сразу дуплетом стреляют либо новички, либо человек, выведенный психологически из равновесия в случае непредвиденных обстоятельств, связанных с риском для жизни. Я выскочил из шалаша и застыл словно сурикат, прислушиваясь в ожидании следующего выстрела, но лес, проглотив причину моего беспокойства, снова окутался утренней гробовой тишиной. Вывод был один, с моим новым знакомым произошли события, выходящие из его зоны комфорта.

Дождь, морозящий всю ночь, прекратил своё выступление и впервые за эти дни, разбив сплошную стену серых облаков, начали пробиваться на сцену желто-зелёного театра лучики восходящего солнца, как бы соглашаясь с моими мыслями, что надо действовать. Увеличив скорость кровотока круговыми движениями рук, тем самым взбодрившись, и размяв шейные

позвонки, я потуже затянул шнурки с поясом. Потерянные пару-тройку килограммы за последнее время придали телу легкость и скорость. Как бы это не казалось смешным, но в свой тридцать один год почувствовал себя гораздо моложе. Также снова тянуло на приключение, только теперь оно было взрослое с не детскими игрушками и далеко не безобидное.

Мокрая трава со скрытыми под опавшими листьями лужами заставляла следить за каждым следующим шагом. Нащупывая палкой твердую землю впереди, моё продвижение в сторону дома лесника нельзя было назвать быстрым, но я старался, как мог. Именно незаметно пролетающие секунды и их доли решают в этой жизни очень многое. Вскоре между деревьев показался знакомый кустовой часток кол боярышника. Присев на одно колено и задержав дыхание, начал вслушиваться в окружающую обстановку. Ещё в армии я выдвинул для себя теорию, что звук не останавливается на пороге слышимости, равному нулю децибел, а может уходить и в отрицательные значения, когда тишина начинает давить и вызывать дрожь. В аккурат это состояние ощущалось сейчас. И вдруг в гнетущем тяжелом воздухе донеслись еле слышимые звуки, напоминающие медленное чавканье. Они исходили со стороны хижины. Бесшумно подкравшись к проходу в кустах, взял, как и в прошлый раз, пистолет в руку. Договоренность без стука не входя и отбросил в сторону, считая, что сейчас не время для нашего церемониального обряда. Только теперь моё вторжение на территорию соседа было мягким и аккуратным, без резкого выпада и кувырков. Медленно сделав шаг из проема с повернутой головой направо в сторону хижины, я увидел бегущего на меня с ускорением волка, чьи оголенные клыки не предрасполагали к дружелюбию. Он не рычал, а влажная трава на земле заглушала его галоп. Всё это выглядело, как немое кино, где не хватало только аккомпанемента пианиста с взъерошенными волосами, играющего с размахом острую кульминацию. Расстояние между нами стремительно сокращалось и когда осталось метра три, я поймал его голову в прицел и мягко нажал на курок, но выстрела не последовало. Тишину нарушил лишь хлопок ударника об капсюль, прозвучавший тупо и бессмысленно, породив небольшой дымок. Перезарядки и досыла следующего патрона не произошло, а гильза осталась на месте. Сведущие люди называют такое явление петардным выстрелом, причиной которого скорей всего стали, благодаря влажной погоде последних дней, отсыревшие патроны. Этот пустой звук заставил волка резко остановиться и прикрыть глаза. Он, словно поняв, что смерть прошла мимо и удача на его стороне, ещё злее оскалившись, снова бросился в атаку. Курсы по нейтрализации натасканных псов мне всегда приносили удовольствие. Только там ты начинаешь понимать, что собаки довольно примитивны и предсказуемы в своих действиях, а опасность от них предрассудки неопытных в общении с ними людей. Но это когда ты один на один. Времени снять и обмотать курткой руку, было явно недостаточно, поэтому пришлось выставить согнанную в локте, как есть. Клыки волка безжалостно вонзились в запястье и, не успев сжаться до предела, остановились обрушенной со всей силой рукояткой пистолета по голове. Надо отдать должное серому санитару леса, он выдержал мой выпад и лишь чуть ослабил хватку. Удар оказался слегка смазанным, и волк успел опустить череп под руку, избегая повторения. Я откинул оружие на землю, быстро нагнулся, схватил за заднюю лапу и резко задрал её. Когда псовые не чувствуют земли и голова находится ниже тела, они теряют координацию и бросают свою цель. Этот момент нельзя упускать. Я освободился, и теперь крепко на вытянутых руках держал обе лапы, на долю секунды залюбовавшись, как извивается в беспомощности висячее верх ногами тело лесного зверя. Затем сделав три шага в сторону знакомого уже дерева, начал производить обороты вокруг себя, придавая волку ускорение. Через пару витков он, уже вытянувшись параллельно земле, летал по кругу, напоминая летчика-испытателя в центрифуге, испытывая на кончике носа максимальную перегрузку. У меня было два варианта. Первый, отпустить лапы, бросив его далеко в сторону, после чего он вряд ли захочет повторить такое приключение, но выбрал второй, против которого однозначно выступили бы защитники животных. Я приблизился ещё на шаг к дереву, так, чтобы траектория головы прародителя

собаки пересекла ствол. Звук удара в унисон с хрустом проломанного черепа закончил наш поединок и только сейчас, за углом хижины напротив входа увидел, что там находилось ещё несколько волков, которые абсолютно спокойно наблюдали за происходящим. В их действиях не было никакой агрессии, никакого страха, они, повернув головы, смотрели на меня, надев маски обычного праздного интереса. Я уже начал привыкать к неадекватному поведению местной фауны. Подняв пистолет с земли (такими вещами не разбрасываются) и, вложив за пояс, достал штык-нож и, прикрыв лезвие ладонью, медленно пошёл навстречу. Они переглянулись между собой и как свора уличных трусливых собак, попятились назад, не сводя с меня взгляды. Картина, открывшаяся передо мной на поляне напротив двери, нельзя было назвать доброжелательной. Большой мощный белый волк с серым пятном в районе холки, явно вожак стаи, с огромным аппетитом обгладывал голову своего собрата, кровь которого зловеще выглядела на белом цвете его морды. Остальные же стояли рядом, ожидая крохи со стола своего предводителя, прижав хвосты. Полгода, проведенные миротворцем ООН в Югославии, подарили более нелицеприятные реальные картины, так что эта зарисовка не сильно повлияла на моё психологическое состояние. Лишь только сейчас вожак оторвался от трапезы и поднял голову. Наши взгляды встретились. Он, задрал верхнюю губу, обнажил хищный оскал и ... поперхнулся, отхаркав в ту же секунду пулю, которая со слабым звоном приземлилась на остатки голого расколотого черепа убитого сородича. Волк снова поднял глаза, и глубокий рык наполнил возникшую паузу тяжестью неумолимого будущего с душком смерти. Он выпрямился и явно недовольный моим вторжением медленно выступил навстречу. Это был действительно огромный экземпляр, раза в полтора крупнее убитого мною. Его высота в плечах составляла около одного метра и, судя по телосложению, масса давно перевалила за центнер. Сбивая его расчеты на успешную атаку, также сделал шаг вперёд и опустил левую руку, обнажив клинок. Он с упрёком кинул взгляд на холодный металл, как бы говоря, что это не по правилам, и остановился, явно знакомый с опасностью данного предмета. Поселить сомнение – сильное действие. Оно может не ослабить человека, но зверя всегда. Волк оглянулся на вход хижины, затем снова на меня, развернулся задом и возобновил застолье. Вес его вид демонстрировал, что я уже не интересен ему и путь свободен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.